

M. ČUDIĆ. Danilo Kiš i moderna mađarska poezija. Beograd, 2007. 328 s.

М. ЧУДИЧ. Данило Киш и современная венгерская поэзия

Одной из ключевых тенденций современной филологической науки является акцентирование сопоставительного аспекта как в лингвистических, так и в литературоведческих исследованиях. Славистика в этом смысле не составляет исключения, сопоставительные исследования в данной области имеют давнюю традицию, в которой в последние годы намечаются некоторые изменения. Если раньше главный акцент делался на сопоставительном изучении родственных или генетически связанных языков и культур, то теперь все большее внимание уделяется ареальным исследованиям языков и культур, генетически не связанных, однако объединенных общим историческим прошлым и общим ареалом проживания. Данная проблематика, начиная с 1960-х годов, была хорошо разработана на материале балканских языков и культур, в последние годы намечается тенденция к сопоставлению центральноевропейских языков и культур, а также к установлению взаимосвязей между центральноевропейской и балканской этнокультурными общностями.

В контексте вышесказанного особенно актуальным представляется выход в свет рецензируемой книги. Ее автор, М. Чудич, – преподаватель кафедры хунгарологии Белградского университета. Предметом рассмотрения в книге являются поэтические переводы с венгерского языка на сербский, выполненные Данило Кишем – крупнейшим сербским прозаиком второй половины XX в.

Книга состоит из введения, семи глав и заключения. Во введении обосновывается принимаемая методика описания и делаются предварительные замечания касательно построения книги. В первой главе М. Чудич, развивая в том числе идеи Й. Леви и А. Бермана, излагает основные

теоретические положения, ставшие основой монографии. Во второй главе рассматривается первый этап переводческой деятельности Д. Киша, когда он переводит Э. Ади. Поскольку данного автора Д. Киш особенно ценил и перевел в течение всей своей жизни, в этой главе также анализируются и последующие его переводы Э. Ади. Кроме того, рассматриваются переводы Д. Киша стихотворений венгерских поэтов А. Йожефа и М. Радноти. В третьей главе М. Чудич описывает следующий этап переводческого пути Д. Киша, когда тот переводил современных ему венгерских поэтов. В четвертой главе М. Чудич разбирает переводы классиков XIX в. В пятой главе анализируется заключительный этап переводческой деятельности Д. Киша, когда тот переводил главным образом своего современника Д. Петри. В шестой главе дана панорама критических оценок, высказанных в адрес переводов, сделанных Д. Кишем с венгерского языка. Наконец, в седьмой главе освещается возможное влияние венгерской литературы на оригинальное творчество Д. Киша.

Исследователь подчеркивает билингвальный и интеркультурный характер переводческой деятельности. В психолингвистическом аспекте билингвален любой переводчик. Д. Киш, будучи сербско-венгерским билингвом (отец Д. Киша был носителем венгерского языка, мать – сербского), был билингвален еще и в функциональном аспекте. В связи с этим языковая и творческая компетенция Д. Киша в переводе взаимно дополняют и обуславливают друг друга, что делает творчество данного литератора особенно интересным для рассмотрения.

В переводе, пишет М. Чудич, необходимо четко разграничивать прозаический и поэтический переводы. Первый представляет собой перекодирование информации,

изложенной средствами одного языка, на другой язык. Второй представляет собой перенос именно образно-экспрессивной структуры текста; текст перевода, по мысли М. Чудича, должен производить на читателя примерно такое же впечатление, какое производил на читателей текст оригинала.

При этом переводной поэтический текст, в отличие от текста оригинального, амбивалентен – с одной стороны, он априори представляет собой интертекстуальный феномен, с другой стороны, перевод обогащает новыми образами «свою» литературу и выступает функциональным эквивалентом оригинала. Эта амбивалентность позволяет включить переводные тексты в сферу действия идиостиля переводчика и рассматривать их как важную составляющую его идиолекта. Изучение взаимодействия идиолекта автора оригинального текста с идиолектом переводчика может идти двумя путями – рассматривать либо влияние переводимой литературы на стиль и картину мира оригинальных произведений переводчика, либо то, насколько гармонично идиолект автора оригинального текста и идиолект переводчика взаимодействуют в переводном произведении. М. Чудич выбирает второй путь и рассматривает переводную литературу под углом идиолекта переводчика. Следовательно, специфику исследования в его направленности именно на личность переводчика задает уже сам предмет рассмотрения. Поэтому биографический принцип композиции глав книги представляется абсолютно логичным и обоснованным. М. Чудич подчеркивает динамику развития взглядов Д. Киша на венгерскую поэзию и связанную с этим динамику выбора текстов для перевода и соответствующих версификаторских решений.

Следующий важный композиционно-исследовательский принцип М. Чудича логически вытекает из диахронической направленности на исследование взаимодействия идиолектов переводчика и авторов оригинальных стихотворений. История перевода Д. Киша с венгерского языка трактуется М. Чудичем как межличностный диалог с переводимыми

авторами. Через призму межличностного творческого диалога М. Чудич проводит также конкретно-лингвистический анализ переводов, выполненных Д. Кишем. Он убедительно показывает, что результатом успешного творческого взаимодействия переводчика и автора оригинального стихотворения является высокая точность перевода. Ключевым фактором, формирующим точный поэтический перевод, по мысли М. Чудича, является принцип поэтической компенсации, основанный на том факте, что созданию поэтического образа как содержательной составляющей поэтического произведения служат формальные средства всех языковых уровней. При создании отдельных образов доминирующую позицию занимают средства конкретного, выбранного автором уровня. Помимо авторской интенции, иерархию и принцип отбора языковых уровней формирует также культурный контекст региона. Если некоторый образ, заданный в оригинале, в переводе не может быть выражен средствами соответствующего уровня, он должен быть выражен средствами другого уровня. Таким образом, главным критерием точности перевода является именно адекватность передачи образно-экспрессивной структуры стихотворения.

Все главы, кроме первой, выстроены сходным образом. Изложение материала строится на движении от макроуровня/макрокосма к микроуровню/микрокосму и от внешних обстоятельств перевода через творческое осмысление Д. Кишем переводимой лирики к конкретно-версификаторским решениям при переводе отдельных стихотворений как результату этого осмысления. М. Чудич ставит перед собой задачу более сложную, чем исследователи, сопоставляющие различные переводы одного и того же автора. При сопоставлении различных переводов одного и того же автора исследователи обычно прослеживают, как одна и та же формально-содержательная структура преломляется и трансформируется в разных переводах, что неизбежно влечет за собой их градацию по точности/неточности и введению нормативного критерия полноты перевода, которому в

большей или меньшей степени соответствуют анализируемые тексты. М. Чудич в своей книге последовательно проводит идею отказа от критерия нормативности. Вернее, критерий нормативности в книге присутствует в виде уже упомянутого принципа компенсации, однако у данного исследователя он фигурирует именно как творческий принцип, а не как основание для вынесения критических суждений. М. Чудич в самом ее начале говорит, что, с его точки зрения, Д. Киш этому критерию в полной мере соответствует и именно поэтому лирика в его переводах является предметом рассмотрения в данной книге. Соответственно, акцент рассмотрения смещается с «правильности» перевода на «правильность» избираемого автора, и книга становится историей взаимодействия творческих личностей и историей поиска людей, наиболее соответствующих ожиданиям и настроениям Д. Киша как самостоятельной творческой личности. Тем самым предметом рассмотрения в книге – на содержательном уровне – является творческая индивидуальность, которая находит самореализацию в том числе через восприятие и интерпретацию литературы, которые в концепции М. Чудича носят подчеркнуто творческий характер, не менее творческий, чем оригинальная креативная деятельность.

Процесс перевода поэтического произведения в концепции М. Чудича разворачивается как коммуникативный акт и включает в себя несколько фаз: поиск собеседника – переводимого автора, интерпретация его произведений в соотношении с собственным жизненным опытом (картиной мира переводчика), вытекающее из нее перекодирование его произведений на свой язык с применением принципа компенсации, т. е. передача всех экспрессивно значимых элементов стихотворения. При этом определение экспрессивной значимости конкретных элементов и определение направленности компенсации (выбор языкового уровня, на котором происходит компенсация) всецело зависят от переводчика и его интерпретации переводимого произведения. Происходит, таким образом, переосмысление и пере-проживание переводимого стихотворения, которое

становится частью идиолекта и идиостиля переводчика. Успешность перевода как коммуникативного акта, по мысли М. Чудича, зависит от степени близости между картинами мира переводчика и переводимого им автора.

Примечательно, что в творческом пути Д. Киша как переводчика выделяются периоды, когда его внимание было фокусировано на отдельных личностях, и периоды, когда его внимание сфокусировалось в целом на стилях, направлениях. Проблема периодизации творчества любого литератора, который вместе с тем является переводчиком, по мысли М. Чудича, представляет собой сложный многоаспектный вопрос. Ядро идиолекта каждого литератора составляет его оригинальное творчество, вместе с тем в идиолект входят также переводные произведения, выполненные данным литератором. И те, и другие представляют собой интертекстуальный феномен, основное различие между ними проходит в имплицитном либо эксплицитном характере интертекстуальной составляющей. Поэтому периодизация переводного творчества литератора строится на выявлении в области его интересов стилевых и мировоззренческих доминант, которые затем связываются с конкретными именами переводимых им авторов.

Результатом подобного рассмотрения является реконструкция авторизованного взгляда на литературу или субъективная история литературы, в которой особенно важны ее целостность и одновременно ее оригинальность. Целостность субъективной истории литературы заключается в том, что Д. Киш в течение всей своей жизни интересовался не каким-то отдельным периодом венгерской литературы или отдельным автором, а всей литературой и переводил авторов как XX, так и XIX в. Оригинальность его субъективной истории литературы состоит в том, что во всем спектре венгерских писателей он выделял наиболее близких ему авторов и высказывал критические суждения, часто не совпадавшие с официальной позицией венгерских критиков второй половины XX в.

Книга М. Чудича подчеркнуто исторична, однако это историзм несколько иного характера, чем биографическое описание

жизненного и творческого пути автора. Это история отдельной литературы, пропущенная через историю отдельной творческой личности и нашедшая свое отображение в переводах, выполненных данной личностью. История венгерской литературы в ее творческой интерпретации является неотъемлемой составной частью картины мира Д. Киша, и, одновременно, пути осмысления венгерской литературы являются мотивированными индивидуальностью Д. Киша. Коллективное и индивидуальное предстают величинами соотносимыми, поскольку их объединяет общность духовного поиска, развития. Национально-культурное и идиостилевое при выбранном ракурсе изложения оказываются тесно переплетенными, и конкретные подробности биографии Д. Киша отступают на задний план, а на авансцену выходит история его внутрен-

него, духовного становления, показанная на материале анализа переводной лирики через призму конкретных версификаторских решений.

Российскому читателю данная книга может быть интересна по нескольким причинам. Во-первых, исследователь освещает круг вопросов, принципиальных как для теории перевода, так и для лингвистики, и выработанная им теоретико-методологическая основа исследования, несомненно, будет продуктивной при анализе поэтических переводов. Во-вторых, книга открывает новые аспекты творчества Д. Киша. Наконец, книга может быть полезна при сопоставлении венгерской литературы со славянскими – подобные исследования в России только начинаются и имеют большую перспективу.

© 2010 г. Д.Ю. Анисимова

Славяноведение, № 1

Slovník pomístních jmen v Čechách. T. I. A. Praha, 2005. 109 s.; T. II. B–Bau. Praha, 2006. 168 s.; T. III. Bav–Bíd. Praha, 2007. 184 s.

Словарь микротопонимов Чехии. Т. I–III

Анализ топонимической лексикографии в России и других славянских странах показывает, что приоритетные задачи словарей изменялись по мере накопления опыта. Так, топонимические словари 1960–1980-х годов были посвящены преимущественно топонимии небольших территорий (выделенных по историко-географическому или административному принципу): районов, областей, республик и т.п. К концу XX в. накапливается значительный объем топонимического материала по большим территориям (топонимия отдельных стран, бассейнов крупных рек). Условия для развития топонимической лексикографии складываются как в ономастической науке (разрабатываются унифицированные модели оформления связей топонима), так и в информационной сфере (расширяются возможности создания электронных баз

данных и геоинформационных систем, ускоряющих работу с большим количеством материала).

Одним из удачных опытов топонимической лексикографии нового типа является «Словарь микротопонимов Чехии» под редакцией Я. Матюшовой. В авторский коллектив словаря вошли сотрудники отдела ономастики Института чешского языка Академии наук Чешской республики: Л. Оливова-Незбедова, Й. Маленинска, М. Гарвалик, М. Мацковичева.

Создание словаря осуществляется в рамках проекта по полному описанию топонимов Чехии. В 1991 г. был опубликован индекс лексических единиц, засвидетельствованных в топонимии Чехии [1], в 1995 г. вышла коллективная монография о происхождении топонимов Чехии [2].

В 2000 г. был издан проспект «Словаря